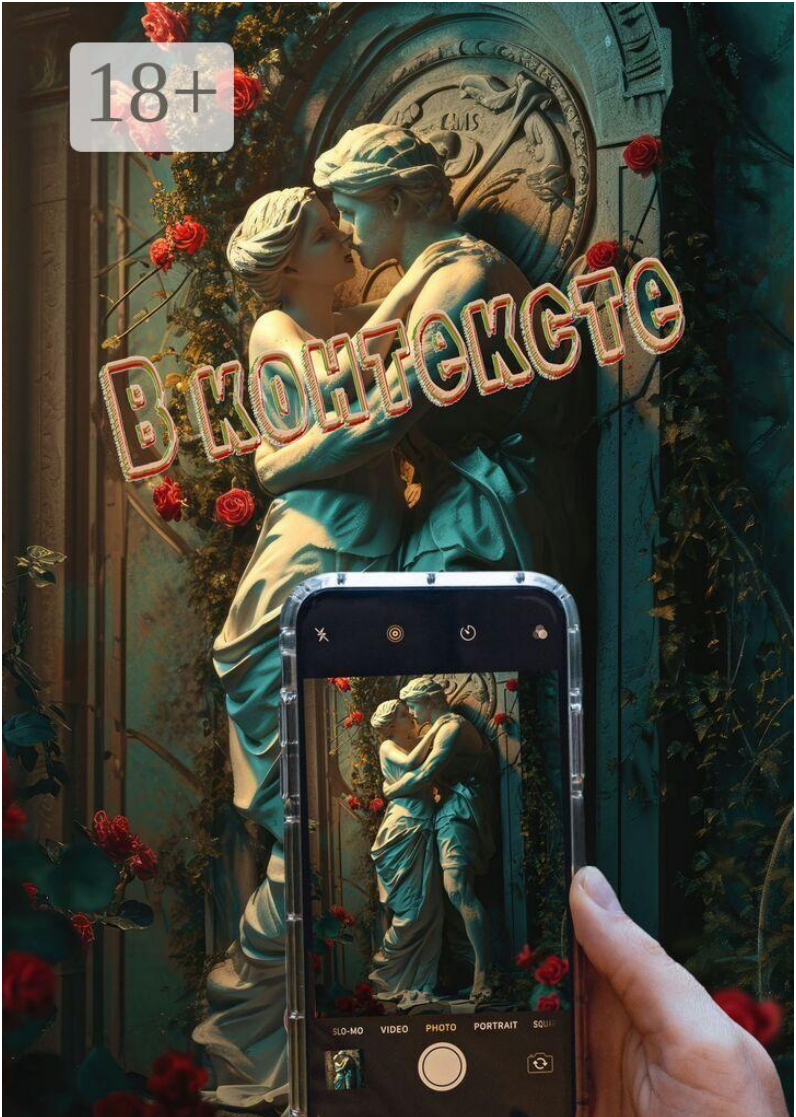

18+
В контексте
SLO-MO
VIDEO
PHOTO
PORTRAIT

Александр Ефимов
Вера Кузьмичёва
Галина Кариба
Глеб Океанов
Дмитрий Поваляев
Любовь Федосеева
Людмила Павлова
Макс Зимов
Николай Каипецкий
Николай Кобушка
Николай Шоластер
Ольга Курбатова
Ольга Стародубова
Роман Абубакер
Светлана Цивилько
Юлия Руденко
Юлия Рязанцева

В контексте. Сборник прозы и поэзии

https://litres.ru/74928708
ISBN 9785007169424

Аннотация

Что стоит за привычными домашними вещами, и как один человек может отразить в себе целую эпоху? Сборник «В контексте» объединил 17 авторов, которые через прозу и поэзию пытаются разгадать тайну связей между прошлым, настоящим и будущим, между личным и глобальным. Здесь вы найдете истории из реальной жизни и фэнтези-зарисовки, пропитанные духом того или иного времени, стихи, вступающие в живой диалог с классикой, имеющие социальный подтекст или отражающие символично хранящие время предметы.

Содержание

РАССКАЗЫ 7
Юлия Руденко 7
Добрая шапочка 7
Светлана Цивилько 13
Крёстный ход 13
Ольга Курбатова 19
Кока Надя 19
Александр Ефимов 24
Военные годы по воспоминаниям моих родителей 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

В контексте
Сборник прозы и поэзии

Авторы: Руденко Юлия, Цивилько Светлана, Курбатова Ольга, Ефимов Александр, Зимов Макс, Павлова Людмила, Кариба Галина, Федосеева Любовь, Океанов Глеб, Кузьмичёва Вера, Шоластер Николай, Каипецкий Николай, Стародубова Ольга, Кобушка Николай, Рязанцева Юлия, Поваляев Дмитрий, Абубакер Роман

Редактор Юлия Руденко
Дизайнер обложки Лариса Пушкина
Фотографии magnific.com

© Юлия Руденко, 2026
© Светлана Цивилько, 2026
© Ольга Курбатова, 2026
© Александр Ефимов, 2026
© Макс Зимов, 2026
© Людмила Павлова, 2026
© Галина Кариба, 2026
© Любовь Федосеева, 2026
© Глеб Океанов, 2026
© Вера Кузьмичёва, 2026
© Николай Шоластер, 2026

© Николай Каипецкий, 2026
© Ольга Стародубова, 2026
© Николай Кобушка, 2026
© Юлия Рязанцева, 2026
© Дмитрий Поваляев, 2026
© Роман Абубакер, 2026
© Лариса Пушкина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6942-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

Юлия Руденко

Добрая шапочка

Василиса, как обычно, вбежала домой, небрежно хлопнув дверью. Торопливо бросила кожаную сумку на пуфик в прихожей и помчалась на кухню ставить чайник. И то ли из-за шума закипающей воды, то ли из-за того, что не всем людям нравится замечать что-то дальше своего носа, она не услышала раздавшееся в прихожей «фыр-фыр».

Сумка, которую она недавно привезла из Бразилии, недовольно фыркала на то, что рядом с ней — в непозволительной близости — на пуфе оказалась вязаная шапка. Пуховые волокна нитей явно запылились, так как началось лето, и головные уборы лежали без надобности. Поэтому-то коричневая сумка и заворчала:

— Это возмутительно! Дышать замшелой пылью! Я ещё помню дорогой бутик, в котором я жила вместе с такими изысканными соседками, как «Гуччи», «Прада», «Дживенши»! А что теперь? Куда я попала? В какое окружение?

Вязаная шапочка, до сих пор лежавшая тихо и смирно,

слегка заворочалась и робко произнесла:

— Уважаемая сумочка, не волнуйтесь пожалуйста! Василиса раз в месяц приглашает хорошую девушку из клининговой компании, и та делает генеральную уборку. Так что скоро нас всех почистят пылесосом, и вокруг воцарится атмосфера чистейшего воздуха.

— Фыр-фыр-фыр!.. — опять раздалось рядом. — Какая беспардонная наивность! Меня тошнит не только от загрязнённого воздуха, а и от соседства с крестьянскими оборванцами! Взгляните на себя! Какое право вы вообще имеете со мной разговаривать? Молчали б уж!

На пару минут вещи действительно затихли. Но потом шапочка всхлипнула:

— Зря вы так! Меня связала бабушка Василисы. Она была очень старенькая и едва видела, двигала спицами, хоть и в очках, а почти на ощупь. Но с какой любовью! Ефросиньи Всеволодовны уже нет, а её доброта и нежность, словно переселились в меня и продолжают жить дальше, согревая молодую хозяйку от холодов и морозов!

— Нет, только поглядите на эту наглость! Ещё смеет мне перечить! МНЕЕЕЕ! Самой натуральной, самой дорогой, самой изысканной, царской особе! Да меня, чтобы ты знала, дорогуша, шили на бразильской фабрике, из крокодильей кожи, такие мастера и машины, что тебе даже и не снилось! Мои сёстры украшают гламурных леди по всему миру! Их фотопортреты наполняют глянцевые страницы модных жур-

налов! А я вынуждена прозябать с какой-то бабской шапкой, которая даже не сделана специально «под старину» для винтажного стиля, а и есть именно вся из себя старая! Позор мне, позор!

Тут спорщицы вынуждены были прерваться, так как Василиса — симпатичная девушка лет двадцати пяти — уже попила кофе на кухне и прошла через коридор в зал. Она включила телевизор скорее для какого-нибудь звукового фона, чем для того, чтобы вникнуть в происходящее на экране. А затем позвонила подруге и сообщила, что ждёт её дома, как и договаривались.

Через полчаса Ирэна ворвалась в квартиру к Василисе словно ураган: шумно и стремительно. Судя по её бесконечной нравоучительной речи, она являлась как минимум — лектором университета, а как максимум — академиком всеобщих наук. Василиса же в основном вынуждена была играть роль восторженной студентки-отличницы. Она внимательно слушала советы и рекомендации подруги-«знайки» и изредка вставляла что-то типа «О!», «Да ладно!» или «Круто!». Сегодня Ирэна взялась рассказывать, как она недавно побывала на тренинге модного коуча Марины Тропининой, супруги известного медиа-магната.

— Вот отчего ты думаешь у нас, красивых и молодых, все проблемы одиночества и полное отсутствие богатого мужа? — грозно вопрошала она Василису.

— Отчего?.. — осторожно спросила та.

— Оттого, что мы забиваем наше жизненное пространство хламом! — тут Ирэна гордо оглядела старенькую хрущёвку, доставшуюся Василисе от бабушки. — Вот скажи, что подумает о тебе, к примеру, Абрамович, если после свидания проводит тебя домой, а затем напросится на чашку кофе?

Василиса испуганно воззрилась на подругу:

— Ммм… Что?

— Что то, КАК ты живёшь, — есть отражение мыслей в твоей голове. Если у тебя не стильный интерьер квартиры, а свалка «секондхэнда», то значит ты и сама напичкана всем подряд без разбора. Перебери вещи, отнеси старьё на мусорку, а новое расставь по фэншую, — и в твою жизнь постучится ОН!

— Кто? Абрамович? — пошутила Василиса.

— Ну… — серьёзно протянула Ирэна. — Кто его знает? Может и он, собственной персоной.

Подруги ещё некоторое время о чём-то щебетали, а потом собрались и уехали в клуб. А на следующий день Василиса решила воплотить совет подруги в жизнь. Еле-еле раскрыв глаза к полудню и выпив чашку безвкусного кофемашинного напитка, она стала ходить по квартире и собирать бабушкины вещи, произведённые чуть ли не на заре основания Советского Союза, в мешок. Вышитая белая скатерть, фарфоровые статуэтки, допотопные блюдца, диванное покрывало, нелепые гардины — казалось, девушка хочет избавиться от

всего, что сохранила её бабуля как память, разом.

— Да, — вдруг сказала она плюшевому медведю, с которым не расставалась в детстве, — я выросла! Понимаешь? Мне нужно начинать новую жизнь! Без старого балласта!

И подхватив мешок в одну руку, а медведя в другую, Василиса вышла в прихожую. Тут её взгляд скользнул по сумке, из-за которой краснела шапочка. Девушка отчётливо вспомнила, как она хотела выглядеть модной в школе, где другим девочкам родители покупали фирменные шмотки. Но увы, в их семье денег всегда не хватало. Теперь она хорошо зарабатывает и может себе позволить дорогие покупки. А поэтому… старая шапочка украсила голову медведя. Не прошло и десяти минут, как всё собранное оказалось на местной свалке неподалёку от дома.

— Какая прелесть! — воскликнула сумка. — Я осталась одна, без этой дурацкой шапки!

«Может ещё и имя сменить?» — подумала её хозяйка. Она всю жизнь хотела быть Снежаной или Кристиной. А Василиса — это что-то такое же допотопное, как бабушкины вещи.

Она быстренько возвратилась домой, пробежав мимо песочницы, в которой возились два карапуза и девочка лет семи. Недавно у них умер отец, и Наташа силилась понять — как и почему такое происходит, когда близкий и любимый тебе человек исчезает насовсем? Теперь она постоянно видела маму в слезах и хотела чем-нибудь её отвлечь, пожалеть,

переключить внимание на себя и братьев. В какой-то момент она оглянулась и заметила сидящего у мусорных баков коричневого медведя в красной шапке. Не торопясь, она подошла к мишке и очень серьёзным тоном поинтересовалась:

— А ты не мог бы стать нашим папой? Ведь тебе тоже очень одиноко!

Наташа осторожно его обняла и тихонько заплакала. А потом принесла домой. Её мать была настолько погружена в своё горе, что даже не обратила внимания, что у дочери появилась новая игрушка.

Ближе к зиме девочка примерила красную шапочку у зеркала, и так она ей понравилась, что носила её много-много лет! И странное дело… Всякий раз, когда Наташа натягивала шапчонку, ей казалось, что кто-то невидимый её обнимает своими ласковыми ладонями и целует. С этим ощущением она и росла. А на последнем курсе института её окликнул как-то хороший парень:

— Красная шапочка, а не боишься одна с занятий идти?

Потом они поженились и жили счастливо.

А Василиса жила в шике и роскоши, но так замуж и не вышла. Видать, не до конца плацдарм для богатого жениха расчистила…

Светлана Цивилько

Крёстный ход

В дни празднования 1025-летия Крещения Руси в Минске организовали крёстный ход. Максим и Варя Петровы спешили принять в нём участие. Поглядывая в окно машины на городской утренний пейзаж, Варя обратилась к мужу:

— Я телефон не взяла.

— Почему? — спросил удивлённо Максим, поворачивая руль машины.

— Разрядился, — пояснила Варя.

— Нужно было зарядить, — проявил он обеспокоенность.

— И зонтик не захватила: в новостях передавали, что будет жарко.

— Возвращаться уже не будем.

— Людей будет много, — спокойно рассуждала Варя. — А если потеряюсь? — она взглянула на мужа и уже с волнением в голосе продолжила: — Я ничего с собой не взяла, даже денег.

— А зачем они тебе? — он открыл кошелёк и протянул ей купюру, — будь лучше с Богом, и всё тебе будет.

Она на мгновение задумалась, но тут же отвлеклась, увидев спешащих отовсюду паломников. Они оставили машину

на стоянке и присоединились к ним.

На перекрёстке взору предстала залитая солнцем площадь. Хоругвеносцы, облачённые в парчовые и шёлковые одеяния, блистали переливающимся светом. Вишнёвые, синие, зелёные, изумрудные хоругви мерцали и волнующе отсвечивали на сверкающих облачениях.

Насыщенный солнечный поток, коснувшись икон и хоругвей, вспыхивал и, скользя по ним, отражался на радостных взглядах молящихся. Утренняя рассеянность стала отступать, давая место молитве.

Хоругви затрепетали и двинулись, проплывая в воздушном пространстве, возглавляя шествие. Стройно последовало за ними духовенство. Взволнованно засуетились паломники, зашевелился и ожил поток из белых, розовых, лиловых и пёстрых платочков. Разноцветными ручейками стекались они в одно большое русло, колыхались из стороны в сторону, перемешивались, местами притормаживали, а иногда наоборот — ускорялись.

Людской поток неожиданно разъединил Петровых и увлёк их по разные стороны. Потеряв из вида Максима, Варя вспомнила слова мужа и начала молиться. Спустя какое-то время их снова потеснили, и они внезапно встретились.

— Всё же я потерялась, — сказала обрадованная Варя.

— Да, но и нашлась, — улыбался Максим.

— Вначале меня охватило лёгкое волнение, а когда стала молиться, то всё прошло.

— И Божье утешение не замедлило.

— Да.

Они загадочно переглянулись и пожали друг другу руки на ходу. Мощным потоком двигался крёстный ход к месту, где будет совершаться Божественная Литургия.

Возвышающиеся хоругви, как путеводная звезда, указывали путь. Встречались паломники с костылями, детскими и инвалидными колясками. Они разделяли радость сопричастности.

Кто-то рядом подхватил молитву, едва доносившуюся от людей впереди идущих. Мелодичный голос вёл молитву спокойно, но уверенно, в унисон зазвучали и слились единым дыханием голоса паломников. Варя шла с Аристархом и пела. Она внимательно прислушивалась к путеводному звучанию.

Молитвенное шествие преодолело большую часть пути. Шли быстро, экономя силы. Варя уже не пела вслух, слова молитвы отложились глубоко внутри и звучали в ней самопроизвольно.

На большой площади шествие остановилось. Литургия ещё не началась, но стоявшая рядом паломница забеспокоилась:

— Отсюда ничего не видно и ничего не будет слышно. Хоть бы с окошка высотного здания посмотреть!

Через мгновение она опять возроптала:

— Ай, и чего только ехала, если плохо видно будет? —

страдал её голосок.

— Если разговаривать не будете, то услышите и увидите, — остановил ропот мужчина справа.

— Читайте Иисусову молитву, и утешены будете, — подбадривал кто-то.

— Ведь все пришли для совместной молитвы! Что может быть лучше? — пояснил очень тихий, но в тоже время уверенный голос.

Беспокойный платочек внял советам или протиснулся вперёд, чтобы и слух, и глаз порадовать, на некоторое время стало тихо.

— Вы видели крест над нами? — внезапно спросили где-то слева.

— Да, я его в самом начале сфотографировала, но почему-то на небо никто не смотрел. А сейчас и солнце в ореоле сияет, и луна видна.

— Да, сподобились, — с наслаждением протяжно выдохнула соседка с мелодичным голосом.

— Ой, так и до прелести недалеко, — строго предупреждая, оборвал эту беседу голос сзади.

— Господи, прости нас грешных, — встрепенулся мелодичный голосок.

Множество народа собралось на крёстный ход и литургию. Ласковое утреннее солнце стало активнее в своём сияющем ореоле. К полудню оно грело всё жарче.

То тут, то там открывались зонтики. Невысокая ростом

Варя спряталась от жаркого зноя в прохладную тень своего мужа Максима. Беспокоясь за него, чтобы не случилось солнечного удара, она решила заслонить его от жаркого солнца и стать для него зонтиком. Варя подняла руки над его головой. Тень получилась, но очень маленькой. Заметив её старания, Максим, улыбнувшись, сказал:

— Не надо.

Так и стояли они между зонтиками.

Солнце поднялось высоко, и жара усилилась. Петровы сожалели, что не захватили с собой зонта. Солнце сильно пекло ему в затылок. Неожиданно большой оранжево-охристый зонтик оказался рядом с Максимом. К нему обратилась седовласая хозяйка зонтика:

— Вы не могли бы его подержать, а то рука устала?

И лёгкая тень накрыла Максима с Варей и соседей. Подарив ненадолго прохладу, зонтик продолжил путешествие, укрывая от зноя других.

А в это время священство во главе с Патриархом и собравшимися молилось. Совершалась Божественная литургия и таинство исповеди, и на проповеди звучал призыв к пересмотру всей своей жизни: тогда никто не утешен не отойдёт.

После литургии умиротворённые Петровы направились к машине, Максим нежно обнял Варю:

— Ну что, не потерялась?

— И зонтик к нам сам пришёл, — слегка улыбнулась она в ответ.

— Только молиться надо, и всё тебе будет.

Неизъяснимое чувство благодарности посетило их после совместной молитвы, духовный труд принёс свои плоды.

Не сразу, но однажды к ним пришло понимание, что крёстный ход — это маленький подвиг любви и молитвы.

Ольга Курбатова

Кока Надя

(воспоминания детства)

Моя рука непроизвольно тянется к окну и… повисает в воздухе. Зачем? Ведь уже некому стучать. И никогда больше не появится из-за шторы родное доброе лицо с широкой улыбкой и сеточкой морщинок под глазами. А со мной лишь останутся воспоминания о детстве, городе и людях.

Ленинград. Так назывался Питер в годы моего детства и юности. Уже тогда город поглотил меня, и я прикипела к нему всем сердцем. Вместе с родителями и старшей сестрой я часто приезжала сюда в гости. Останавливались мы у маминой тётушки, «коки Нади». Именно так мы с сестрой называли тётушку. По совместительству она приходилась не только родной тётей моей мамы, но была ещё и её крестной. И откуда-то появилось это смешное прозвище «кока Надя», которое прижилось у нас, детей, навсегда.

Кока Надя была родом из сельской глубинки, в которой проживали все наши родственники по маминой линии. Но за несколько лет до войны ей удалось покинуть колхоз и уехать в Ленинград. Она устроилась работать санитаркой в больнице и жила в рабочем общежитии. А когда началась война,

больница превратилась в госпиталь для раненых бойцов. И наша кока Надя проработала там всю блокаду. Однажды общежитие сильно пострадало во время бомбёжки. И тогда коке Наде выделили комнату в опустевшем доме на Кондратьевском проспекте. Эта комната стала её первым и единственным жильём.

Как сейчас помню: длинная узкая комната на первом этаже в коммуналке. Общая кухня на три семьи, у каждой есть свой стол, по две полочки в совместном шкафу, холодильнике, старая газовая плита поделена между жильцами на конфорки.

Большая раковина на кухне и одна кабина туалета на всех жильцов, других удобств нет. А если хочешь почистить зубы, то нужно постоять в очереди. По субботам жильцы ходят мыться в общественную баню, а во дворе в соседнем доме работает прачечная. По соседству с кокой Надей в то время жили две дамы в возрасте с взрослыми сыновьями. Одну звали тётей Аней, а другую тётей Стешей. Между собой соседки жили дружно, ходили друг к другу на чай, угощали выпечкой.

В самой комнате есть несколько спальных мест, и когда диван разбирается на ночь, то пространство резко сокращается. В углу у стены стоит металлическая кровать с периной, на которой обычно спит хозяйка. Напротив размещаются большой дубовый шкаф и маленький холодильник «Ладога». Впрочем, его тётушка даже не включает, ей хватает двух

полочек на кухне. Она привыкла покупать продуктов понемногу и никогда не берёт лишнего. Пенсия у неё небольшая, приходилось экономить.

Рядом с кроватью стоит тот самый гостевой диван у стенки, дальше — резной деревянный буфет. А напротив дивана втиснулась старенькая оттоманка, затем тумбочка, и на ней возвышается телевизор, работающий с утра до позднего вечера. А ближе к окну стоит стол прямоугольной формы со стульями вокруг. Узкий проход к окну сохраняется, но стоит только разобрать диван, как всё сужается до предела. Но как говорится: в тесноте, да не в обиде.

Кока Надя всегда была радушной и гостеприимной хозяйкой, баловала нас с сестрой вкусностями и водила по музеям и паркам. Об этом остались самые тёплые воспоминания. Эрмитаж, кунсткамера, зоологический и военно-морской музеи — эти и другие достопримечательности мы впервые увидели благодаря нашей заботливой тётушке.

И хотя она была малограмотной женщиной, с большим трудом писала, вернее сказать — «царапала», делая при этом множество грамматических ошибок, про знаки препинания лучше вообще промолчать, но тётушка всеми фибрами своей души хотела нас, деревенских девчонок, приобщить к городской культуре. И у неё это получилось. Вот откуда во мне эта любовь к городу и желание узнавать его.

Своих деток у неё никогда не было. Замуж она так и не вышла. Сначала ей приходилось много работать, а потом под

сорок лет по свиданиям ходить стало неудобно. Уже после войны сошлась она гражданским браком с бывшим шофёром, который возил грузы по Дороге Жизни. Так называлась в годы блокады Ленинграда узкая магистраль, соединяющая город с большой землёй по льду Ладожского озера. Однажды он получил серьёзное ранение и попал в госпиталь, где они и познакомились. Он был её младше на несколько лет.

По иронии судьбы мои родители встретились тоже в Ленинграде, только уже в 1958 году. Мама приехала в гости к тёте, а папа — к дяде, который и был тем самым шофёром.

Родители нас редко куда-то вывозили, много забот в деревне: основная работа, дом, скотина во дворе, огород. Отдыхать им точно было некогда. Зато тётушка часто брала нас к себе по очереди во время каникул и устраивала для нас настоящий праздник.

Разве можно забыть поездку на метеоре — огромном скоростном катере с большими подводными крыльями — в Петергоф, а потом прогулку по парку с фонтанами? Каждое такое приключение обязательно запечатлевалось на фотографиях и оставалось светлым пятном на всю жизнь.

Одна из чёрно-белых фотографий была выполнена как раз напротив фонтанного ансамбля «Большого каскада» с чудесным видом на Большой дворец. Мне тогда было всего 10 лет. Мы вместе с кокой Надей стоим и смотрим в объектив. Она широко улыбается, в глазах играют смешинки, лицо открытое и доброе. Я же стою совершенно серьёзная, взгляд за-

думчивый и немного настороженный. На мне — пёстрое короткое платьишко с пояском, длинные гольфы и босоножки.

Самое удивительное, что сохранилась точно такая же фотография, только снятая на четыре года раньше. То же самое место, такое же платьишко на девочке, очень похожий взгляд, и — самое главное, что тётушка выглядит один в один. Но только на той фотографии запечатлена моя старшая сестра. Вот такое интересное совпадение.

Недавно гуляли мы с сестрой по Кондратьевскому проспекту, любовались отреставрированными домами довоенной постройки и добрым словом вспоминали коку Надю. Её уже давно нет в живых, а те крупинки радости, которые она нам подарила в детстве, остаются в нашей памяти.

Александр Ефимов

Военные годы по воспоминаниям моих родителей

Грешен, вовремя не записал рассказы матери, теперь приходится писать по памяти. Воспоминания отца менее яркие и их немного. Родственники со стороны отца вообще были более скрытные. Наиболее яркие воспоминания были связаны с прадедом, Колтыревым Алексеем. По утверждению моей бабушки, Марии Алексеевны, это её отец. Алексей Колтырев воевал в армии Скобелева, воевал хорошо. Получил низший офицерский чин и дворянский титул. Погиб на Шипке. А бабушка была взята на воспитание графом Шуваловым и окончила в Ряжске Институт благородных девиц.

Но наверное это отдельные темы. Стоит только упомянуть, что мой дед со стороны матери — Фомичев Сергей Кузьмич — дружил с будущим генералом Михаилом Ефремовым. Они работали вместе на мельнице в селе Юрятино. Есть письмо от Михаила Ефремова моей бабушке со стороны матери Марии Васильевны, с поздравлениями к празднику.

Но вернёмся к теме.

Перед войной семьи моей матери и моего отца переехали

в Москву и поселились возле завода «Серп и Молот» (бывший завод Гужона). Отец и мать были ещё не знакомы. Было тревожное ожидание, но жизнь шла своим чередом. Мама училась в техникуме на чертёжника. Отец работал на 42-м заводе.

Начало войны было видимо у всех одинаковое — голос Молотова из репродуктора. У отца была бронь, а мама пошла в военкомат. Она и её подружка решили стать санитарками. Военком их принял и сказал:

— Девочки, вот вы меня с поля боя раненого вынести сможете? Идите учитесь!

И направил на фельдшерско-акушерские курсы. Но сначала нужно было окончить техникум, была защита диплома. В техникуме расположился госпиталь. Защиту решили проводить в сквере. Преподаватели и учащиеся разложили чертежи… Мимо шёл патруль, решили — шпионы, и арестовали. Смеху было!

Ещё очень смешно, по утверждению матери, проходили первые учения ПВО. Народ не знал, что делать, и единственное, что смогли придумать — бегать толпой в сторону от появившегося самолета. Слава Богу, это были учения. Мама и отец так рассказывали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.